

RU

Творчество А. С. Пушкина в концепции А. Брюкнера: вольность, национальный дух, красота

Варпаева Ю. Н., Королева С. Б.

Аннотация. Цель исследования – охарактеризовать способы субъективизации литературоведческого исследования на основе анализа концепции пушкинского творчества, изложенной в монографии А. Брюкнера «Русская литература в историческом развитии» (1905). В статье охарактеризовано научное значение научно-просветительской книги А. Брюкнера для европейской славистики; проанализированы ее вводные главы в аспекте уточнения теоретических установок и мировоззренческих ориентиров исследователя; определены основные параметры, которыми обусловлены оценки пушкинского творчества в книге; выявлены основные неточности и лакуны в «пушкинской» главе. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые: 1) описана концепция пушкинского творчества, изложенная в книге выдающегося польско-немецкого слависта Александра Брюкнера; 2) выявлены способы субъективизации литературоведческого исследования, представленного в ней. В результате проведенного исследования установлено, что предложенная ученым концепция творчества А. С. Пушкина (поэтическая красота, выражение национального духа, несмелость и непоследовательность социально-политической мысли) опирается на характерные для носителя польской лингвокультуры имагологические представления о России (в частности, убежденность в деспотичности, жестокости русского самодержавия) и пафос свободолюбия и свободомыслия; в то же время определено, что эта концепция исходит из представлений о гармоничной красоте и соответствии национальному духу как необходимых и важнейших составляющих подлинного художественного произведения.

EN

The works of A. S. Pushkin in A. Brückner's conception: freedom, national spirit, beauty

Y. N. Varpaeva, S. B. Koroleva

Abstract. The study aims to characterize the methods of subjectivization in literary research based on an analysis of the concept of Pushkin's creativity presented in A. Brückner's monograph "Russian Literature in Historical Development" (1905). The article characterizes the scientific significance of A. Brückner's scientific and educational book for European Slavic studies; analyzes its introductory chapters in terms of clarifying the theoretical guidelines and ideological orientations of the researcher; identifies the main parameters that determine the assessments of Pushkin's creativity in the book; and reveals the main inaccuracies and gaps in the "Pushkin" chapter. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time it: 1) describes the concept of Pushkin's creativity presented in the book by the prominent Polish-German Slavist Aleksander Brückner; 2) identifies the methods of subjectivization of literary research presented therein. As a result of the conducted research, it has been established that the concept of A. S. Pushkin's creativity proposed by the scholar (poetic beauty, expression of the national spirit, timidity and inconsistency of socio-political thought) is based on imagological perceptions of Russia characteristic of a native of the Polish linguoculture (in particular, a conviction in the despotism and cruelty of Russian autocracy) and a pathos of love for freedom and free thought. At the same time, it is determined that this concept proceeds from the idea of harmonious beauty and conformity to the national spirit as necessary and most important components of a true work of art.

Введение

Актуальность исследования обусловлена вниманием современной гуманитаристики к различиям в канонах национальной литературы, формируемых в различных культурных и литературоведческих традициях. Так, если в перспективе отечественной культуры и литературоведения феномен пушкинского творчества

предстает особым этапом в развитии русской литературной традиции, то в западной рецепции, как правило, он осмысливается как начальная страница истории русской литературы.

В то же время существенны могут быть различия в восприятии Пушкина географически и культурно близкими народами и их литературно-критическими традициями. В частности, в Англии отношение к пушкинским произведениям как большому явлению мировой литературы определилось не ранее 1910-х – 1920-х годов (Королева, 2024), тогда как в Германии понимание мирового значения его творчества оформилось уже в конце 1830-х годов под влиянием концепции мировой литературы Гете (в работах Ф. фон Энзе (Varnhagen von Ense) и Г. К. Кенинга (Heinrich Joseph Koenig)) (Аветисян, 1995; Алексеев, 1937, с. 125-137).

В 1840-е годы признание за пушкинским творчеством гениальности, сопоставимой с гетевской, получило наглядный результат в виде подробной главы о Пушкине в монографии В. Вольфсона (Wilhelm Wolfsohn) «Художественная литература русских» (*Die Schönwissenschaftliche Literatur der Russen*, 1843). Первое же системное, ориентированное и на русскую, и на европейскую науку описание истории русской литературы на немецком языке появилось между 1883 и 1885 годами: это была «История русской литературы» (*Geschichte der russischen Litteratur von ihrem Anfang bis auf die neueste Zeit*) «русского немца» А. Рейнгольда (A. von Reinholdt). Эволюционная концепция, обозначившаяся в ней, получила развитие в объемном научно-просветительском труде Александра Брюкнера «Русская литература в историческом развитии» (*Geschichte der russischen Litteratur*) (Brückner, 1909), первоначально опубликованном в Лейпциге в 1905 г. на немецком языке и вышедшем в 1908 г. в переводе на английский в Лондоне (Bruckner, 1908).

Изучение немецкоязычной монографии Брюкнера, изданной более чем сто лет назад, актуально для современной гуманитаристики как с точки зрения истории формирования и развития научных представлений о содержании и поэтике пушкинского творчества, так и в аспекте субъективизации литературоведческого исследования, способов и форм проникновения в него элементов дискурсов, оценочно и эмоционально маркированных.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить научное значение труда А. Брюкнера для европейской славистики;
- проанализировать вводные главы его книги в перспективе выражения в них теоретических (научных) установок и мировоззренческих ориентиров;
- охарактеризовать основные параметры, которыми обусловлены его оценки пушкинского творчества;
- выявить возможные неточности и лакуны в его главе о Пушкине.

При рассмотрении главы о Пушкине в монографии А. Брюкнера использовались методы герменевтического, рецептивного и сравнительно-сопоставительного анализа текста. Герменевтические методы реконструкции, объяснения и понимания применялись для определения ценностных ориентиров автора, установления связи между его оценками и суждениями, выявления механизмов субъективизации научного исследования. Рецептивный анализ «пушкинской» главы из монографии позволил охарактеризовать восприятие автором Пушкина с точки зрения «горизонта» его «читательских ожиданий», связанного с имагологическими представлениями о русской литературе и культуре, на которые ориентировался автор. С помощью сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены неточности в повествовании Брюкнера о жизненном и творческом пути А. С. Пушкина, определены индивидуальные оценки и акценты в этом повествовании, описана общая линия интерпретации пушкинского творчества.

Основным материалом исследования послужила книга А. Брюкнера по истории русской литературы. В качестве дополнительных материалов были привлечены ее перевод на английский, рецензия Морфилла на нее, сведения биографического характера.

Теоретическую базу исследования составили, во-первых, отечественные историко-литературные работы, касающиеся вопросов межлитературных связей и рецепции А. С. Пушкина на Западе, М. П. Алексеева (1937), Ю. Д. Левина и Ю. М. Лотмана (1966), А. Л. Григорьева (1974; 1977), В. И. Кулешова (1977), Г. Лейтона (1999), С. А. Небольсина (1999), Е. Д. Богатыревой (2007), В. П. Трыкова (2008), В. А. Аветисяна (1995), А. Г. Волховской (2019), Вольперт (2007). Во-вторых, в теоретическую базу вошли научные работы отечественных ученых, рассматривающих вопросы имагологии в связи с восприятием русских писателей и русской литературы в европейских культурах: В. Е. Багно (2006), В. Б. Земскова (2011), В. А. Хорева (2000; 2012), В. П. Трыкова и А. Р. Ощепкова (2021), Л. А. Мальцева (2022). В-третьих, исследование опирается на фундаментальные труды по теории рецепции (Потебня, 1976; Мукаржовский, 1994; Jauf, 1987; Iser, 1978) и по герменевтическому подходу в литературоведении (Лихачев, 1968; Кузнецов, 1991; Гадамер, 1988).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания истории русской литературы и теории литературы; при разработке и чтении теоретических и практических курсов по межкультурной коммуникации, имагологии, сравнительному литературоведению.

Обсуждение и результаты

Александр Брюкнер (Aleksander Brückner, 1856-1939) был выдающимся польским ученым, историком литературы, иностранным членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, Польской, Пражской и Белградской академий наук. Занимался историей славянских литератур и славянских языков, выпустил труды по истории польской (*Geschichte der polnischen Litteratur*, 1901) и русской литератур, преподавал в Берлинском университете, где долгое время возглавлял кафедру славянской филологии (1881-1924 гг.).

Свои научные труды, коих насчитывается более 1500, он писал на польском и немецком языках. Его книга 1905 г., посвященная русской литературе и широко используемая в курсах по русской литературе на факультетах славистики в немецкоязычных странах 1900-х – 1920-х годов, была дважды переиздана в Германии (в 1909 и 1922 гг.), и обратила на себя внимание европейских почитателей и исследователей русской литературы и культуры.

В подробной и весьма положительной рецензии английского слависта, преподавателя русского и славянских языков в Оксфордском университете У. Р. Морфилла в журнале *The Modern Language Review* за 1906 г. говорится и о научной репутации Брюкнера, и о научной ценности его новой книги. Особенное внимание уделено объективности в описании логики развития русской литературы, в оценке достижений русских писателей в контексте этнического происхождения ученого: «Профессор Брюкнер заслужил репутацию одного из наиболее знающих филологов-славистов; особенно же он обогатил наши представления о древнепольской литературе. Его “История польской литературы” <...> [характеризуется] энтузиазмом, который он, как поляк, естественно, испытывал к ней. В отношении русской литературы мы опасались, что “старый домашний спор”, как называл это Пушкин, может исказить его взгляды. Однако он написал о литературе исконно враждебного государства в манере доброжелательной и сочувственной, и мы благодарны ему за это» (Morfill, 1906, p. 259) (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – Ю. В., С. К.).

Отмечая точные наблюдения Брюкнера в отношении А. С. Пушкина, некоторую предвзятость суждений о Л. Н. Толстом и Ф. М. Достоевском и неполноту изложения общей истории русской литературы (так, в рецензии отмечен недостаток внимания ученого к русской исторической повести и роману), У. Р. Морфилл в целом характеризует книгу как «добросовестный труд основательного учёного» (the conscientious work of a thorough scholar) (Morfill, 1906, p. 261) и говорит о высокой ценности работы А. Брюкнера не только в немецком, но и в общем европейском культурном пространстве.

Для современных научных представлений о европейской (с акцентом на немецкоязычной) пушкинистике, истории ее становления и меняющейся системе взглядов труд Брюкнера представляет интерес не столько с точки зрения объективных суждений, изложенных в них, сколько с точки зрения общей концепции пушкинского творчества и проявлений в них имагологических представлений и мировоззренческих и исследовательских установок. Излишне говорить, что книга, переизданная не однажды, оказала влияние не только на немецких, европейских славистов следующих поколений, но и на общее восприятие русской литературы интеллектуальным европейским читателем.

Некоторые особенности этой концепции можно уловить уже в первой, вводной главе книги: в ней Брюкнер говорит о свойственном русской литературе в целом пренебрежении «эстетическим воздействием», которым писатели, по его мнению, жертвуют во имя «высокого гуманистического содержания», «идеалистического полёта» и которое связывает с особым значением литературы для «интеллектуальной жизни нации» (Brückner, 1909, S. 1). Поясняя свой последний тезис, он утверждает, что если для европейцев художественная литература есть один из способов «выражения национального чувства и настроения», то «для мыслящего русского человека, не имеющего ни свободной прессы, ни свободы собраний, ни права на свободное выражение мнений, художественная литература стала <...> единственным средством пропаганды достойных идей» (Brückner, 1909, S. 1).

Очевидно, что логику общего суждения о ключевых особенностях русской литературы определяют здесь не столько объективные данные (в первую очередь, касающиеся внутренних закономерностей процессов внутри национальной культуры и литературы), сколько имагологический конструкт – формировавшееся веками представление европейцев о деспотичной природе власти в российском государстве и полном отсутствии в нем свободы слова и мнения. Как известно, это представление оформилось в записках европейских путешественников и дипломатов еще в XVI веке и постепенно закрепилось в «теле» культуры через литературу (Королева, 2021, с. 54-80). В XIX веке для этнических поляков (в том числе А. Брюкнера) оно приобрело особую остроту «под мощным воздействием политической ситуации» раздела Польши, которая стала претендовать «на роль ее [Европы] форпоста в охране европейских ценностей от восточных варваров» (Хорев, 2012, с. 11). Взгляд на Россию как на деспотичную, отсталую, дикую страну «Востока» закрепился в польской культуре под влиянием творчества А. Мицкевича и других польских поэтов-романтиков (Хорев, 2012, с. 12; Janion, 2006, S. 190-195).

Воспроизводит он и другие устоявшиеся в польской культуре (связанные как с собственно политической борьбой Княжества Литовского с Московским княжеством, а впоследствии царством, так и с религиозными воззрениями и борьбой католической Церкви за безраздельное религиозно-политическое господство в христианском мире (Комментарий, 2008, с. 279)) представления: о Московском княжестве как нелегитимном претенденте на собиранье земель русских, московских князьях как восточных жестоких и хитрых деспотах и православии как еретически-ложной ветви христианского вероучения. О последнем он говорит с особенным религиозно-риторическим пафосом: «Введение греческой церкви и славянского богослужения стало роковым моментом в развитии Руси, которая пожертвовала европейским первородством ради чечевичной похлебки» (Brückner, 1909, S. 5).

В то же время в том, что касается русского национального характера, Брюкнер выходит за рамки имагологических стереотипов и, проецируя на русское «другое» представления о польском «своем» (и всеобщем славянском – между этими понятиями, по всей видимости, он ставит знак равенства), подчеркивает историческую закономерность в формировании деспотичной русской власти: «Русский был славянином, то есть прирожденным анархистом, ненавистником любого ограничения своей свободы, неспособным или не желающим создать прочное государственное образование из своих собственных ресурсов» (Brückner, 1909, S. 3).

С позиций выражения духа свободолюбия и сопротивления деспотичному царскому режиму Брюкнер во многом осмысляет и творческую судьбу А. С. Пушкина. Определяя место поэта в истории русской литературы как ее основоположника (вся предшествующая традиция характеризуется им как «чистая мода, простое подражание, без всякой связи со страной и ее народом, его историей и его нуждами» (Brückner, 1909, S. 168)), ученый отмечает, в первую очередь, свободомыслие и вольнодумство как характерные черты ранней пушкинской поэзии.

Скупыми мазками обрисована биография поэта: его детство и лицейские годы, ссылка в Одессу в контексте создания «южных поэм», поздние годы (должность камер-юнкера, создание журнала «Современник»). При этом не упоминается жена Наталья Гончарова, его дуэль, имя Дантеса, о смерти говорится как о точке примирения Пушкина с его поклонниками-читателями, потерявшими в него веру как в оппозиционного передового выразителя общественного мнения.

Почти полностью игнорируя любовную лирику поэта (этот пробел гораздо позже восполняют работы Г. Рабаба (Левин, Лотман, 1966)), Брюкнер не обходит вниманием первые поэтические опыты Пушкина, указывая на их подражательность (Вольтер, Парни, Батюшков) и анакреонтический характер. С большим воодушевлением он рассказывает о включении Пушкиным в стилизованно-рыцарскую поэму в духе Ариосто «Руслан и Людмила» национальных фольклорных сюжетов, отмечая ее эстетическое совершенство и вольность тем: «Успех не был незаслуженным. Эта вкрадчивая прелесть стиха, эта благозвучность языка, изящность образов, это богатство игривых идей, эти смелые, поразительные обороты речи – всё это было чем-то новым, чем-то неслыханным на сухом, статичном, скучном русском Парнасе, и учитель Жуковский сразу же признал себя побеждённым» (Brückner, 1909, S. 173).

И с большим сочувствием Брюкнер останавливается на гражданской лирике Пушкина, тщательно разбирая произведения, объединенные темой вольности, критикой самодержавия и социально-государственного устройства Российской империи. Отдельное внимание Брюкнер уделяет «Лицинию» (1815), содержащему знаменитую строчку «Свободой Рим возрос, а рабством погублен», «К Чаадаеву» (1818) («И на обломках самовластья напишут наши имена»), «Деревне» (1819) («Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный / И рабство, падшее по манию царя, / И над отечеством свободы просвещенной / Взойдет ли наконец прекрасная заря?»). Среди произведений более поздних периодов пушкинского творчества он выделяет «Кинжал» (1821), посвященный немецкому студенту Занду (который, будучи казненным за убийство А. фон Коцебу, считался борцом за свободу и мучеником), «Андре Шенье» (1825), «Во глубине сибирских руд...» (1827) («Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут – и свобода / Вас примет радостно у входа, / И братья меч вам отдадут»).

Во всех этих стихотворениях А. Брюкнер выделяет свободомыслие поэта, его общественно-социальную позицию, идущую вразрез с официальной идеологией. В ряду свободолюбивой лирики Пушкина он называет и некоторые эпиграммы, метафорически именуя их «Зандовским кинжалом» (Brückner, 1909, S. 175) и во многом утрируя критический пафос, содержащийся в них: «Он не щадил никого: ни двух императоров, ни Аракчеева, ни двух министров народного просвещения, ни архимандрита Фотия, ни своего начальника графа Воронцова, ни Карамзина, которого он высмеивал за восхваление прелестей кнута и самодержавия, ни Жуковского (подразумевается эпиграмма на поэта, приписываемая одно время не самим Жуковским, но многими другими Пушкину)» (Brückner, 1909, S. 175). Помимо политических, Брюкнер выделяет литературные эпиграммы, направленные в том числе против Ф. В. Булгарина и М. Т. Каченовского.

Южная ссылка, отмеченная влиянием на Пушкина поэтики байроновских «восточных поэм», получает в книге не совсем точную, но акцентно-экспрессивную, как и предыдущие, характеристику: «За французской анакреонтикой и изящным флиртом с харитами следуют эпические произведения в стиле британца, которые на время свели его с ума» (Brückner, 1909, S. 176). В «Кавказском пленнике» он выделяет такие байронические черты, как местный колорит (*couleur local*), ограниченное число лиц, поэтику тайны, тип героя и героини, и обобщает, говоря о самобытной красоте и особенностях содержания произведения: «Он стремился изобразить “преждевременную старость души, характерную черту молодежи XIX века”, а также великолепный горный пейзаж, интересные обычаи, традиции и верования кавказцев. Он был первым русским, кто сделал это, завоевав Кавказ для поэзии своего народа» (Brückner, 1909, S. 177).

Самых высоких похвал удостоивается другая южная поэма – «Бахчисарайский фонтан» – возможно, в связи с особой ее популярностью у польского читателя: она еще при жизни поэта была трижды переведена на польский язык (Хорев, 2000). В ней Брюкнеру всё видится восхитительным, особенно картины природы. Такая же высокая оценка дана поэме «Братья разбойники» (опубликована в 1825 г.), много внимания уделено и «Цыганам» (написана в 1824 г., опубликована в 1827 г.), в основе смысловой структуры которых ученому видится противопоставление дикости и цивилизации, хаоса и порядка. При этом Брюкнер ошибочно воспроизводит легендарные сведения о пребывании Пушкина с цыганами в таборе и его цыганской любви (о происхождении и распространении (Проскурин, 2013)).

Высочайшим достижением пушкинского творчества Брюкнер справедливо считает «Евгения Онегина» – в его характеристике «роман из жизни общества» (“*der Roman aus der GeSeilschaft*” (Brückner, 1909, S. 181)), первый русский роман без откровенного дидактизма. Отмечая, что на «Онегина» (равно как на «Графа Нулина» и «Домик в Коломне») повлияли байроновские шутилка «Беппо» и авантюрно-сатирическая «Дон Жуан», он подчеркивает его своеобразие: «Евгений Онегин» повествует о повседневной реальности, «обычном» русском дворянине и жизни русского общества современной поэту эпохи.

Следуя во многом за размышлениями Достоевского в его «Пушкинской речи» (но не упоминая о ней), Брюкнер выделяет образ Татьяны Лариной как центральный в художественном и ценностном отношении и утверждает

в связи с этим, что роман вполне мог получить название «Таня» (“Der Roman *Oniegin* wird zu einem Roman *Tania*”): «...старшая, Таня, <...> молчаливая, застенчивая, замкнутая, с упрямым умом и сердцем, <...> с живым воображением, умной, энергичной волей – первый <...> и, по сути, непревзойденный образ русской девушки, которому мы найдём некоторое подобие у Тургенева <...> Здесь нас поражает <...> ничтожность мужчины по сравнению с женщиной» (Brückner, 1909, S. 182).

В целом, оценки Брюкнера соотносятся с двумя разноприродными группами параметров: эстетическими параметрами гармоничности формы (красота как таковая) и полноты (глубины, национального своеобразия) содержания – и идеологическими параметрами свободомыслия (гражданская позиция) и борьбы с самодержавием. Очевидно, что если первые, будучи основой разных суждений об искусстве, могут служить опорой для относительно объективных оценок произведений художественной литературы, то вторые внедряют в научные оценки момент идеологической предвзятости.

Не случайно примером истинного гражданского мужества для Брюкнера является К. Ф. Рылеев с его резкой и последовательной критикой царя и социально-политического устройства Российской империи, с его принципиальным активным участием в подготовке декабристского восстания и с его трагической судьбой поэта, попавшего под колеса Истории. То, что А. С. Пушкин не пошел по пути Рылеева, вызывает у ученого смешанные чувства сожаления и осуждения, ему представляется отношение поэта к восстанию декабристов, как и ко всему декабристскому движению, проявлением нерешительности, отказом от либерально-демократических убеждений. В связи с этим Брюкнер выделяет воздействие рылеевской поэзии на Пушкина, указывая, в частности, на «Полтаву» как образец восприятия образов и сюжета романтической поэмы Рылеева «Войнаровский». В то же время пушкинские «исторические» произведения рассматриваются как способ избегания цензуры, контроля, преследования государством, при этом о художественном своеобразии «Бориса Годунова» и «Капитанской дочки» ученый просто умалчивает.

То, что, начиная с «Полтавы», Брюкнер с положительным вниманием описывает красоту стихов, прославляющих первого российского императора Петра, косвенно указывает на действие особых имагологических представлений, получивших распространение в европейских культурах в XVIII в., – о Петре Великом как идеальном просвещенном монархе (Королева, 2021, с. 81-90; Cross, 2001).

При этом в смысловой структуре поэмы «Медный всадник» он обнаруживает не только полемику с А. Мицкевичем («петербургский фрагмент» поэмы «Дзяды») о городе Петра и самом великом государе, но и протест поэта против «уничтожения старых дворянских привилегий»: «В композицию вошли и другие элементы, направленные <...> против уничтожения Петром старых дворянских привилегий. Такого не прощает боярский отпрыск, который все больше превращался в высокого тори – и это в России, где административный произвол просто побеждает все “права” и “чувства”! (Brückner, 1909, s. 180). Использованное в рассуждении наименование «боярский отпрыск», более того, его вплетение в европейский (английский) контекст через ассоциирование с тори, указывает на источник этих представлений – «Историю о великом князе Московском» А. Курбского.

Действительно, о Курбском и его книге (как известно, ориентированной на западного и особенно польского читателя) Брюкнер подробно написал во вступительных главах; тезис же о живучести такого рода имагологических представлений был доказан В. А. Хоревым (2012, с. 11) на материале восприятия русской литературы и России в Польше. При этом, сетуя на исключительно воображаемую борьбу героя с обстоятельствами и государством в произведении, Брюкнер указывает на ограниченность его содержания, на его несоответствие идеологическим потребностям современной России.

Очевидно, что, старательно избегая предвзятости, А. Брюкнер придерживается определенной мировоззренческой и исследовательской позиции. Эта позиция складывается из убежденности в «демонической природе» самодержавия; из либерализма как идеологического оправдания искусства; наконец, из акцента на художественном совершенстве, красоте формы и глубине, национальной самобытности содержания. Первые два элемента позволяют имагологическому дискурсу системно вторгаться в научный, моделируя его. Отсюда у Брюкнера возникает пренебрежение к «историческим» произведениям Пушкина, особое внимание к Рылееву, выделение гражданской поэзии, острием направленной против самодержавия, как наиболее существенной для истории русской литературы линии пушкинской поэзии.

Позиция, синтезирующая собственно научное мышление с мировоззренческими ориентирами, приводит Брюкнера к следующему неожиданному для современного русского читателя выводу: «Когда-то от него [Пушкина] ждали политического либерализма и глубоко ошибались; оно было совсем не в его крови, <...> он был просто консерватором по натуре <...> Пушкин – всего лишь слуга красоты, ищет только красоты <...> Поэтому во времена, когда культ красоты должен отступить, как в России 1861 года, <...> Пушкин теряет свою силу. Когда общественные страсти утихают, человек возвращается, веря в его поэзию красоты; волшебство, которое она излучает, поистине неувядаемо!» (Brückner, 1909, S. 198).

Отмечая в качестве важного начала пушкинского творчества гражданскую тему духовно-интеллектуальной и социально-политической борьбы за свободу, Брюкнер фактически упрекает поэта в консерватизме, якобы выработанном им в зрелые годы, и призывает читателя рассматривать пушкинскую поэзию с точки зрения «культа красоты», то есть провозглашенной в конце XIX века теории эстетизма. Тем самым исследователь обнаруживает не только однобокость в оценках содержания пушкинских произведений, но и существенную методологическую небрежность, поскольку применяет терминологию и теорию хронологически близкой (ему) культуры декаданса к эпохе принципиально иной, отстоящей от декаданса на полвека.

Заключение

Основные выводы данной работы состоят в следующем. Научное значение труда А. Брюкнера об истории русской литературы определяется его широким признанием в европейской научной среде, поддержанием и углублением интереса к нему с помощью рецензий, перевода на английский язык и переизданий, а также адресованностью европейским (особенно немецкоязычным) студентам-славистам. Книга Брюкнера сыграла важную роль в формировании в Европе (и в первую очередь в Германии) первой половины XX века канона русской литературы.

В вводных главах книги А. Брюкнера изложены его представления о необыкновенной значимости идеологически-гражданской функции литературы для русского общества в связи с особенностями его устройства: отсутствием прав на свободу собраний и свободу мнения в условиях царской тирании. Нарратив этой главы обнаруживает проникновение в научно-просветительское исследование имагологических стереотипов, в том числе о деспотичной политической власти в России, о варварстве и азиатчине Московской Руси, о лживости православного вероучения. В то же время концепция русского национального характера у Брюкнера задана имагологическим полюсом не «чужого», но расширительно понятого «своего» (как славянского) и выстроена с опорой на образ «естественного» анархиста, ненавистника ограничений.

В «пушкинской» же главе книги А. Брюкнер, определяя место поэта в истории русской литературы как ее основоположника, создает такую концепцию пушкинского творчества, которая опирается, помимо литературно-критических критериев красоты и народности (национального содержания), на имагологические представления о России, характерные для носителя польской лингвокультуры, и на мировоззренческую установку на ценность политической свободы и борьбы. В книге Брюкнера Пушкин предстает гением, сумевшим в лирике достичь идеала абсолютной красоты, а в больших поэтических формах – выразить национальный дух. В то же время Брюкнер отказывает творчеству Пушкина в общественной значимости, в последовательности, смелости и глубине выражения социально-политической мысли, отождествляя эту черту поэзии исключительно с вольнодумно-либеральными взглядами.

Анализ брюкнеровского нарратива позволяет выявить признаки смыслового и фактологического искажения, схематизации, субъективной акцентуации отдельных тем и жанров в творчестве поэта. Ученый умалчивает о некоторых (видимо, несущественных для него) фактах биографии поэта (в частности, о Наталье Гончаровой, Дантесе, последней дуэли); почти полностью игнорирует его любовную лирику; дает «Борису Годунову» и «Капитанской дочке» весьма скупую характеристику; упрекает Пушкина в нерешительности в связи с некоторым отчуждением от декабристов; при этом большое внимание уделяет его вольнолюбивой поэзии, трактуя и пушкинские эпиграммы в духе вольнолюбия и свободомыслия, тогда как его «исторические» произведения рассматривает как результат избегания цензуры в художественном творчестве.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в расширении научных представлений о немецком каноне в русской литературе, в применении выработанной методологии к анализу научных и научно-просветительских монографий других немецкоязычных авторов-составителей, в описании общего вектора (или нескольких векторов) развития немецкоязычной пушкинистики с 1900-х годов до наших дней.

Материалы исследования | Research materials

1. Brückner A. Geschichte der russischen Literatur. Zweite Ausgabe. Leipzig: C. F. Amelangs Verlag, 1909.
2. Bruckner A. A literary history of Russia. L. – Leipzig: T. Fisher Unwin, 1908.
3. Morfill W. R. Geschichte der russischen Literatur // The Modern Language Review. 1906. Vol. 1. № 3.

Источники | References

1. Аветисян В. А. К вопросу о рецепции Пушкина в Германии // Пушкин: исследования и материалы / под ред. М. П. Алексеева. СПб.: Наука, 1995. Т. 15.
2. Алексеев М. П. Пушкин на Западе // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Вып. 3.
3. Багно В. Е. Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006.
4. Богатырева Е. Д. Художественный перевод как интерпретация: на материале французских переводов поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»: дисс. ... к. филол. н. М.: ИМЛИ РАН, 2007.
5. Волховская А. Г. Творчество А. С. Пушкина в критике и литературоведении Испании 1840-х – 1980-х гг.: дисс. ... к. филол. н. М.: МГУ, 2019.
6. Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. СПб.: Алетейя, 2007.
7. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988.
8. Григорьев А. Л. Пушкин в зарубежном литературоведении // Пушкин: исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. Т. 7. Пушкин и мировая литература.
9. Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л.: Наука Ленингр. отд-ние, 1977.
10. Земсков В. Б. Россия «на переломе». Вводная статья // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.). М.: Новый хронограф, 2011.

11. Комментарий // Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники ист. мысли, 2008. Т. 2. Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты.
12. Королева С. Б. Миф о России в британской культуре. М.: ФЛИНТА, 2021.
13. Королева С. Б. Пушкин и Байрон в британской пушкинистике: коммуникативные стратегии и имагологические механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. 2024. Т. 29. № 3. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-413-430>
14. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во МГУ, 1991.
15. Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
16. Левин Ю., Лотман Ю. Восприятие лирики Пушкина в Германии: рецензия на издание: Raab H. Die Lyrik Puškina in Deutschland (1820-1870). Berlin, 1964 // Русская литература. 1966. № 2.
17. Лейтон Л. Пушкин в англоязычном мире // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 2.
18. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8.
19. Мальцев Л. А. Преодоление стереотипов: Ф. М. Достоевский в восприятии польских писателей-эмигрантов XX века. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2022.
20. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / пер. с чеш. М.: Искусство, 1994.
21. Небольсин С. А. Пушкин и европейская традиция: историко-теоретические работы. М.: Наследие, 1999.
22. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
23. Проскурин О. Русский поэт, немецкий ученый и бессарабские бродяги (Что Пушкин знал о цыганах и почему скрыл от читателей свои познания) // Новое литературное обозрение. 2013. № 5.
24. Трыков В. П. Французский Пушкин // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1.
25. Трыков В. П., Ощепков А. Р. Русская незнакомка во французской «республике словесности»: образ России в литературном сознании Франции: монография. М.: Direct Media, 2021.
26. Хорев В. А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М.: Индрик, 2012.
27. Хорев В. А. Пушкин и славянские литературы // Славянский альманах / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000.
28. Cross A. Peter the Great through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
29. Iser W. The Act of Reading: a theory of aesthetic response (tr. from German). Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.
30. Janion M. Niesamowita Słowiańszczyzna: fantazmaty literatury. Krakow: Wydawnictwo Literackie, 2006.
31. Jauß H. R. Die Theorie der Rezeption – Rückschau auf ihre unerkannte Vorgeschichte. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 1987.

Финансирование | Funding

- RU** Публикация подготовлена в рамках научного проекта, поддержанного Российским научным фондом, № 24-28-00706 «Пушкин в западноевропейском каноне русской литературы: динамика и варианты осмысления (период 1920-х-1960-х годов)».
- EN** The paper was prepared within the framework of the research project supported by the Russian Science Foundation, No. 24-28-00706 “Pushkin in the Western European canon of Russian literature: dynamics and interpretations (1920s-1960s)”.

Информация об авторах | Author information

- RU** Варпаева Юлия Николаевна¹, к. филол. н.
Королева Светлана Борисовна², д. филол. н., доц.
^{1, 2} Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
- EN** Yulia Nikolaevna Varpaeva¹, PhD
Svetlana Borisovna Koroleva², Dr
^{1, 2} Linguistics University of Nizhny Novgorod
^{1, 2} buchil@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.10.2025; опубликовано online (published online): 18.11.2025.

Ключевые слова (keywords): А. Брюкнер; А. С. Пушкин; концепция творчества; немецкоязычная славистика; имагологические представления; A. Brückner; A. S. Pushkin; concept of creativity; German-language Slavic studies; imagological perceptions.